

УДК 342.4 (470)(075.8)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Т. И. Волкова

Исследование комплекса проблем интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере, ее реализации на практике является приоритетным для достижения высокого уровня инновационности экономики страны и регионов. Вместе с тем теоретико-методологическая база исследования данного сложного и многогранного объекта разработана недостаточно, особенно с учетом его генезиса, специфики, современных тенденций эволюции. Кроме того, имеются существенные расхождения во взглядах исследователей на основополагающие характеристики интеллектуальной собственности, поскольку они рассматривают ее либо как правовую, либо как экономико-правовую категорию.

Целью данного исследования является развитие и обоснование теоретических основ и методологического инструментария изучения современного института интеллектуальной собственности. Предложена авторская разработка категории интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере и специфики соответствующих отношений в структурно-функциональном, пофазном и междисциплинарном разрезах ее воспроизводства. Структурирован ряд современных факторов и тенденций эволюции интеллектуальной собственности в России, детерминирующих трансформацию институционального дизайна транзакций в процессе ее коммерциализации. Представлено авторское видение методологического инструментария как синтеза социально-экономических и экономико-правовых разработок, диалектической сопряженности ряда междисциплинарных направлений. Выделена теоретическая платформа формирования общей теории интеллектуальной собственности.

В ходе исследования использовались воспроизводственный, диалектический, аналитико-гносеологический, системно-интеграционный методы. Результаты данного исследования могут быть учтены при выработке управленческих решений соответствующими структурами, отвечающими за научно-технологическую и инновационную политику на всех уровнях власти и управления.

Ключевые слова: институт интеллектуальной собственности, методология исследования, тенденции эволюции, институциональный дизайн отношений и прав, общая теория интеллектуальной собственности

Методология исследования специфики института интеллектуальной собственности в целом, в научно-технологической сфере в особенности, должна основываться, по нашему мнению, на сочетании социально-экономических и экономико-правовых разработок, что представляется плодотворным для исследования сущности и содержания этого высокого уровня сложности объекта. Следует отметить явный дефицит соответствующих теоретических разработок, в отличие, к примеру, от сугубо правового подхода, которому уделяется значительно больше внимания.

В теоретическом плане актуально разграничение собственности как системы отношений и как совокупности прав, правовых норм. Проблема такого разграничения получила

разработку в трудах классиков экономической мысли. Так, К. Маркс писал: «...правовое представление, свойственное определенным отношениям собственности, хотя и вырастает из них, с другой стороны, все же не совпадает и не может совпадать с ними» [20, с. 504].

В соответствии со спецификой объекта исследования мы считаем правомерной позицию тех экономистов, которые, опираясь на разработки Дж. Ходжсона [32], понимают под институтами «специфические функциональные и организационные формы коллективной деятельности, являющиеся устойчивыми структурными образованиями» [13, с. 53].

Исследование института интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере как экономического феномена должно

опираться прежде всего на ведущие характеристики объекта и категории «собственность» в научно-технологической сфере. Как показал наш анализ, категория «собственность» имеет различные трактовки, включая обоснование ее как основы процесса общественного воспроизводства, а также как системообразующих (связывающих совокупность экономических отношений в систему) социально-экономических отношений по поводу присвоения условий и результатов производства [25, с. 35–51, 92–132, 164–182, 301–315, 468–515, 528–565]. На наш взгляд, адекватной условиям современного этапа экономического развития является трактовка собственности как сложной совокупности социально-экономических отношений, характеризующих способы, содержание и формы присвоения и использования факторов, условий, средств и результатов производства, жизнедеятельности и жизнеобеспечения [23, с. 400]. Отношения собственности в научно-технологической сфере, по нашему мнению, можно охарактеризовать как систему социально-экономических отношений по поводу присвоения и использования условий (включая средства) и продуктов интеллектуального труда. В качестве ведущих субъектов отношений собственности выступают:

- создатели интеллектуальных продуктов;
- исследовательские коллективы и структуры;
- соответствующие властные и управленческие структуры;
- потребители интеллектуальных продуктов, включая предприятия и фирмы;
- посредники между этими заинтересованными субъектами.

Содержание данных отношений дифференцируется в зависимости от правовой регламентации, вида и организационно-правовой формы собственности заинтересованных организаций, а также потребностей, интересов и стимулов участвующих субъектов.

Исследуя проблему интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере с позиции экономической теории, следует отметить, что более корректно оперировать категорией «собственность на интеллектуальный продукт».

Собственность на интеллектуальный продукт нами характеризуется как социально-экономические отношения по поводу его создания и присвоения в процессе аккумуляции, распространения, обмена и использования (потребления), в том числе с целью коммерциализации и получения дохода, прибыли.

Интеллектуальная собственность в научно-технологической сфере представляет собой, по нашему мнению, диалектическое единство социально-экономических отношений присвоения интеллектуальных продуктов (объектов интеллектуальной собственности) и их правового оформления, охраны и использования. В таком аспекте интеллектуальная собственность фактически не анализируется.

Особая природа института интеллектуальной собственности обуславливает и гносеологическую методологию ее исследования, анализ генезиса ее специфических сущностных характеристик. Так, в отличие от собственности на материальные объекты, интеллектуальная собственность означает особые отношения присвоения, обусловленные такими свойствами интеллектуальных продуктов, как их тесная связь с личностью создателя, уникальность, неповторимость и т. д. Нередко проявляется диалектика отношений собственности и познания (возможность присвоения интеллектуальных продуктов одновременно рядом лиц, а также их использования наряду или независимо от собственника и др.). Это связано, в первую очередь, с особенностями исследовательского труда, материальные и нематериальные средства которого образуют единство, и своеобразным средством труда выступают интеллектуальные, творческие способности исследователей. В этой категории отражается источник происхождения собственности — интеллектуальный, творческий труд исследователя, определяющий и специфику интеллектуальных продуктов [7, 8].

Отношения интеллектуальной собственности на различных фазах их воспроизводства также отличаются определенной спецификой. На фазе производства (создания) — это отношения между субъектами (предшественниками и современниками) как «персонифицированными функциями» совокупного исследователя в процессе создания продукта посредством обработки интеллектом предмета труда, присвоения и переработки знаний, информации. На фазе распределения осуществляются спецификация прав на интеллектуальные продукты и распределение возможных доходов между участвующими субъектами (к примеру, на интеллектуальный продукт, созданный с использованием служебных средств производства, имеет право не только автор). На фазе обмена, в рыночных транзакциях, происходит процесс ее приобретения и отчуждения, причем возможно лишь отчуждение вещественного субстрата, «знания» на том или ином носителе. На

фазе потребления, использования возрастает вероятность участия в отношениях интеллектуальной собственности сторонних субъектов, нередко возникают внешние эффекты (экстерналии). Это связано с такими свойствами интеллектуальных благ, как их способность к распространению, многократной тиражируемости.

Особый дизайн этих отношений формируется и в зависимости от специфики институциональной среды их развития и реализации. Так, Г.А. Ерёмченко, исследуя в теоретическом аспекте специфику интеллектуальной собственности в науке, справедливо подчеркивает необходимость учета институциональных особенностей не только рыночных отношений, но и государственно-административного и научно-профессионального институтов, «в рамках которых складываются совершенно отличная от рынка институциональная среда деятельности создателей интеллектуальных продуктов и совершенно иные отношения собственности на эти продукты» [12, с. 71]. Ряду интеллектуальных продуктов свойственны черты коллективных, общественных благ (неконкурентность потребления и ограниченные возможности контроля доступа к ним). Особую значимость в связи с этим имеет научно-профессиональный институт, в рамках которого исследователь должен обладать рядом профессиональных правомочий. К ним справедливо относят [12, с. 71–72]:

- право на опубликование научных результатов за счет (при поддержке. — Т. В.) государства при условии достижения высокого научного уровня;
- право на информирование исследовательского сообщества об авторстве результатов и на выдвижение заявок на предполагаемый приоритет;
- право на оценку научных результатов, включая оценку приоритета;
- право на аргументированный ответ на критику полученных результатов;
- право на противопоставление собственных результатов заявкам на приоритет, выдвигаемым другими членами исследовательского сообщества;
- право профессионального распоряжения принадлежащими исследователю научными результатами (представление результатов при принятии решений о присуждении ученой степени, присвоении ученых званий, избрании на научные должности и др.);
- право на получение профессионального вознаграждения.

Мы разделяем точку зрения Г.А. Ерёмченко, что права автора не являются только «личными неимущественными»; это также и особые профессиональные «права-условия», имеющие «нематериально-профессиональную» природу, так как владение ими является нематериальным благом для исследователя, в том числе и условием получения им профессионального вознаграждения [12, с. 72].

В рамках научно-профессионального института решается очень актуальная для исследовательской деятельности проблема приоритета, непосредственно затрагивающая интересы членов исследовательского сообщества. Не менее актуальна, по нашему мнению, и проблема научных ссылок. Все это придает особую значимость, по справедливому замечанию В.Л. Макарова, «неформальному авторскому праву», «репутации» в научной сфере [19, с. 12].

Нам представляется, что эти институциональные условия, специфические социально-экономические механизмы взаимодействия авторов (создателей) и потребителей интеллектуальных продуктов (объектов интеллектуальной собственности), находятся в постоянном диалектическом взаимодействии.

Наша позиция в отношении двойственности сущностных характеристик института интеллектуальной собственности подтверждается в определенной мере неоднозначностью их толкования и с юридической точки зрения. Наряду с тем, что интеллектуальная собственность рассматривается в научной литературе преимущественно как правовая категория, имеется обоснованная позиция ряда ученых, к которой мы присоединяемся, состоящая в признании неоднозначности этой позиции.

Выделим ряд дискуссионных моментов. Так, по мнению В.А. Дозорцева и В.О. Калятина, термин «интеллектуальная собственность» «... несет в себе не столько юридическое наполнение..., сколько экономическую нагрузку (выполнение определенной экономической функции)» [14, с. 6]. Эта трактовка лежит в русле современной и перспективной экономической теории прав собственности.

Необходимость таких дефиниций, нового этапа в правовом регулировании рассматриваемых сложных и многогранных отношений В.А. Дозорцев справедливо увязывает с бурным развитием интеллектуальной деятельности, интеллектуальных продуктов, их вовлечением в экономический, рыночный оборот [11].

Представляются правомерными и используемые В.А. Дозорцевым следующие методологические дефиниции. Он считает, что тради-

ционное право собственности, «приспособленное к ограниченному в пространстве материальным вещам», включающее три правомочия: владение, пользование и распоряжение, для «нематериальных вещей, неограниченных в пространстве», не подходит [11]. Так, владение как физическое обладание материальной вещью к нематериальным объектам неприменимо, может быть «только доступность и известность». Правомочие пользования трансформируется в правомочие «использование» (в связи с возможностью использования объектов одновременно неограниченным кругом лиц), правомочие «распоряжение» приобретает новое, «более богатое содержание» (оно может быть наряду с правообладателем у широкого круга лиц). Следует отметить, что такая характеристика правомочий воспринимается рядом исследователей неоднозначно в связи с акцентированием нередко сугубо правовых аспектов [24], что, безусловно, проистекает из сложности и многогранности самого объекта изучения.

Как свидетельствуют мировой опыт и научные исследования, развитие отношений и прав интеллектуальной собственности способствует ускорению реализации научных достижений, обеспечению эффективности инновационной деятельности. При дефиците этих необходимых условий наблюдается противоположная тенденция. И. Д. Кокурин, например, отмечает: «Отсутствие развитых отношений собственности в инновационной деятельности приводит к тому, что результаты достаются не участвующим в ней субъектам, а третьим лицам. При этом недоучитываются либо издержки, либо выгоды, превращающиеся во внешние экстерналильные эффекты. Распределение ресурсов, используемых в инновационной сфере, оказывается неэффективным» [17, с. 147].

Развивая теорию прав собственности в контексте либерализации экономики, Ф. Хайек использует понятие «индивидуализированная» собственность, обозначая им общую основу прав собственности [27, с. 54]. По нашему мнению, эта характеристика в большой степени относится к интеллектуальной собственности. Более того, современные тенденции мирового экономического и социального развития способствуют эволюции отношений интеллектуальной собственности. Индивидуальная, личная собственность создателя (автора) на продукт своего творческого труда, интеллектуальный продукт, приобретает все большую социальную и экономическую значимость [6].

Рассматривая эволюцию такой особой формы собственности, выделяемой рядом уче-

ных, как «собственность на мастерство» (категория социальная), Л. В. Милов также приходит к заключению, что при формировании в перспективе в России постиндустриального информационного общества ведущую роль будут играть «носители уникальных по своей ценности потребительных стоимостей в области интеллектуального труда» [22, с. 804].

Объекты интеллектуальной собственности — это преимущественно результаты напряженной творческой деятельности отдельных личностей. Так, рядом ученых, изучивших историю 70 крупных изобретений XX века, был сделан вывод о том, что «только 24 изобретения уходили корнями в промышленные исследовательские лаборатории»; более половины изобретений «были выдвинуты индивидами, работавшими либо полностью независимо от любого рода формальной исследовательской организации, либо в академической среде» [28, с. 639]. Но вместе с тем Ф. М. Шерер и Д. Росс справедливо отмечают, что основная «тяжесть разработки идей независимых изобретателей с целью их коммерческого применения» легла на плечи крупных корпораций [28, с. 639].

Безусловно, приоритет в создании и обладании правами на объекты интеллектуальной собственности принадлежит именно творческим личностям. Развернутое обоснование этого положения дает В. А. Дозорцев, который отмечает принципиальное отличие творческого труда от труда в сфере материального производства, где создание объектов носит коллективный характер и в «основе прав на материальный результат лежит право собственности на средства и условия его создания» [10, с. 280]. Творчество же, по справедливому замечанию В. А. Дозорцева, «есть среда чисто индивидуальной деятельности, представленной лишь живым трудом, олицетворяемым личностью автора», при этом необходимо четко разграничивать труд по «созданию творческого результата и содействие такому результату... Основанием возникновения права является ... только личный вклад, то новое, что сделано творцом» [10, с. 282].

В связи с ограниченностью ресурсов, особенно интеллектуальных, творческих, в обществе неизбежно возникают конфликты и противоречия по поводу их присвоения и использования. Формирование, разграничение и реализация прав собственности, включая интеллектуальную, определенным образом их ограничивают и упорядочивают.

В процессе мирового экономического развития в законодательстве сформировался

комплекс прав авторов-создателей объектов интеллектуальной собственности: личные неимущественные права (право считаться автором произведения, изобретения, право на имя и др.) и исключительные имущественные права, то есть право самостоятельно использовать в коммерческом обороте созданный объект и (или) уступить на возмездной или безвозмездной основе это право (правомочия). Исключительность права не означает, что оно всегда принадлежит исключительно одному лицу. Оно может принадлежать в соответствии с законодательством и нескольким лицам на определенных ими в договоре (контракте) условиях.

Юридические лица и государство получают от исследователей и изобретателей продукты труда, в которых воплощены их уникальные способности. В основе трансакционного процесса (передача, продажа прав) должен лежать экономический критерий эффективности, с тем чтобы не было потерь такого ценного ресурса, как интеллектуальные продукты (особенно объекты интеллектуальной собственности).

На разных уровнях управления наблюдается процесс осознания приоритета творческой личности. Он активизировался, в частности, в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию, одним из условий которого является признание прав интеллектуальной собственности преимущественно как прав частных лиц, объекта частного права (в соответствии с законодательствами стран — членов этой организации).

Вместе с тем при решении наиболее актуальной проблемы — вовлечения в оборот, коммерциализации объектов интеллектуальной собственности — такая тенденция не представляется однозначной. Для России и ее регионов проблема коммерциализации объектов интеллектуальной собственности является особенно острой. Если по ряду детализированных параметров и показателей национальной изобретательской и патентной активности наша страна имеет в мире неплохие позиции [9], то ее доля на мировом рынке продуктов на основе объектов интеллектуальной собственности является очень незначительной.

Среди множества экзогенных и эндогенных институциональных факторов, обуславливающих данную негативную тенденцию, начали выделять такой нетрадиционный фактор, как патентование результатов интеллектуальной деятельности на физических лиц. На первый взгляд, эта точка зрения кажется неоспорной. Однако объективная реальность и соот-

ветствующие исследования это подтверждают. Так, именно эта причина трудностей с коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности была особо подчеркнута генеральным директором Корпорации интеллектуальной собственности РНИИС В.Н. Лопатиным, который в качестве негативного привел пример Болгарии, где 70 % патентообладателей — физические лица [21, с. 150]. Но и в России имеет место неблагоприятная, принципиально отличная от ведущих стран структура патентообладателей. Так, совокупная доля патентов, полученных индивидуальными заявителями и университетами, по оценкам экспертов, составила за период с 2010 по 2015 гг. 77,2 %, тогда как в ведущих странах она не превышала 10–15 % (т. е. в среднем 85 % приходится на промышленные компании) [18, с. 17]. Причем доля 17 физических лиц, вошедших в топ-100 патентообладателей РФ, составила 44,3 %, на долю 45 университетов пришлось 32,9 %. Соответственно незначительны доли НИИ и особенно предпринимательского сектора [18, с. 19–20].

Авторы данного исследования справедливо делают вывод, что указанная структура патентообладателей является отражением системных проблем отечественной научно-технологической сферы. Во-первых, с 2010 г. главным объектом государственной поддержки стал университетский сектор науки, во-вторых, просчеты научно-технологической и промышленной политики привели к низкой патентной активности и наукоемкости промышленных предприятий [18, с. 25]. Можно заключить, что негативные тенденции эволюции процесса коммерциализации интеллектуальной собственности в России и ее регионах, проявившиеся при переходе к рыночной экономике, сохраняются и в современных условиях.

К тому же, как отмечают эксперты, Россия по критерию принадлежности патентов к области техники оказалась лидером в пищевой химии (Япония — мировой лидер в развитии оптических технологий, Германия — в области транспортных технологий, США — в области развития фармацевтики, Китай — в области механики) [18, с. 24]. В данном исследовании справедливо отмечено, что Россия серьезно отстает от ведущих стран мира по подготовке соответствующих аналитических обзоров и разнообразных баз данных [18, с. 18]. Это могло сказаться, на наш взгляд, на отражении в рассматриваемой работе недостаточно полной картины по исследуемому объекту. Кроме того, как известно, в сфере отечественного ОПК имеет место и немалая доля секретных изобре-

тений. Но в целом можно считать обоснованными результаты и выводы этого обстоятельного исследования.

Сложные и многообразные отношения по поводу объектов интеллектуальной собственности, их коммерциализации должны быть основаны на компромиссе интересов владельцев материально-финансовых ресурсов и носителей интеллектуальных, творческих способностей. Интеллектуальный продукт, как уже было подчеркнуто, изначально является собственностью создателя, поэтому возрастающую значимость имеют договорные (контрактные) формы отношений между его создателем, производителями инновационных продуктов и потребителями, которые призваны способствовать формированию рациональной системы присвоения, вовлечения объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, их коммерциализации. Разнообразным аспектам коммерциализации объектов интеллектуальной собственности правомерно уделяется немало внимания в зарубежной литературе [2, 33, 30, 31].

Объективный процесс формирования современного института интеллектуальной собственности детерминирован в российской экономике двумя основными группами факторов:

- развитием производительных сил, трансформацией мировой экономической системы в связи с возрастанием роли знаний, информации, формированием мирового рынка объектов интеллектуальной собственности;

- формированием рыночных отношений присвоения интеллектуальных продуктов, их коммерциализации, потребностями обеспечения их конкурентоспособности на мировом инновационном рынке, возрастанием степени инновационности экономики.

В России в целом создана законодательная основа охраны интеллектуальной собственности. Так, эта охрана гарантирована Конституцией Российской Федерации (ст. 44). Действует также часть IV Гражданского кодекса РФ (раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»). Имеется ряд указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ.

Вместе с тем, по одному из ведущих индикаторов конкурентоспособности Всемирного экономического форума — «защита прав на интеллектуальную собственность» — Россия в 2016 г. заняла 117-е место среди 138 стран мира (в 2011 г. занимала 126-е место из 142 стран)¹.

В 2015 г. в мире удельный вес российских национальных заявок на изобретения составил 1,2 % (к примеру, доля аналогичных заявок США — 18,2 %, Японии — 15,7 %). По выданным российским национальным заявителям охраняемых документов в сравнении с национальными заявителями ведущих зарубежных стран мира также очень существенное отставание: Россия — 2,0 %, США — 20,6 %, Япония — 21,8 %².

Основные характеристики формирования современного института интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере России отражены на рисунке.

Безусловно, российская (и международная) законодательная база по интеллектуальной собственности нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии, в том числе в связи с новыми формами обнародования и опубликования интеллектуальных продуктов через электронные издания, Интернет. В этих условиях наблюдается существенное ослабление контроля за соблюдением исключительных имущественных прав автора, государственных интересов, усиливается роль посредников (провайдеров и т. п.).

В США, например, с учетом формирующегося информационного общества, в развитие международного соглашения 1996 г. под эгидой ВОИС в области авторского права и смежных прав принят специальный «Закон об авторских правах и цифровое тысячелетие». В 2001 г. вышла в свет Директива ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторских прав и смежных прав в информационном обществе», которая имеет существенное значение и для России, так как способствует развитию рынка новых товаров и услуг.

Процесс эволюции института интеллектуальной собственности осуществляется по многим направлениям, среди которых эксперты нередко выделяют такую современную тенденцию, как преобладание на мировом рынке беспатентных лицензионных продаж (базы данных, ноу-хау и т. п.) [21, с. 149]. Эта тенденция характерна и для нашей страны.

В мае 2017 г. на заседании Экспертного совета по научно-технологическому развитию и интеллектуальной собственности при комитете Государственной думы РФ было отмечено,

сти 2011–2012, 2016–2017 гг. Всемирный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/#series=EOSQ052>.

² Рассчитано по: Данные Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int>.

¹ Данные Отчетов о глобальной конкурентоспособности

Рис. Формирование современного института интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере России

что за два последних года зафиксирован четырехкратный рост ноу-хау (по данным единой системы учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок). С этими объектами интеллектуальной собственности университеты достаточно активно совершают рыночные сделки. При этом процесс патентования и коммерциализации разработок заторможен. В качестве примера приведена ситуация в академической науке: около 700 организаций, 50 тыс. исследователей, выполняющих примерно 8 тыс. научных работ, регистрируют ежегодно около 4 тыс. патентов [1]. На наш взгляд, это некорректный пример, поскольку далеко не все институты РАН, в том числе и в соответствии со своим профилем, призваны и могут производить такие продукты.

Секреты производства (ноу-хау) — сведения производственного, технического, экономического, организационного характера охраняются (гл. 75 IV ч. ГК РФ «Право на секрет производства (ноу-хау)») от незаконного использования третьими лицами при следующих условиях:

— эти сведения имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам;

— к ним нет свободного доступа на законных основаниях;

— обладатель этих сведений ввел режим коммерческой тайны.

В имеющихся в РФ соответствующих законодательных актах, прежде всего Гражданском кодексе, лаконично, на наш взгляд, отражены преимущественно процедурные аспекты охраны этого вида объектов интеллектуальной собственности.

При углубленном изучении сущностных характеристик ноу-хау эксперты выделяют три их вида:

— не отделимые от конкретного индивидуума (физического лица), включая индивидуальные навыки и умения;

— не отделимые от конкретного предприятия (юридического лица), в том числе технологии, основанные на традиции, воплотившие специфическую корпоративную культуру производства и др.;

— отделимые от предприятия или индивидуума, например сознательно скрывающиеся технические сведения, рисунки, чертежи, сохраняемые в секрете патентоспособные результаты.

В качестве объектов интеллектуальной собственности специалисты правомерно рассма-

тривают ноу-хау третьего типа (при условии признания их охраноспособности в законодательном порядке) [16, с. 20–21, 34–35].

Не все права на объекты интеллектуальной собственности могут быть в полной мере защищены соответствующими документами. Как указывает А.Н. Козырев [16, с. 20–21, 34–35], эта защита распространяется, прежде всего, на так называемые оборотоспособные права, обладающие следующими свойствами:

— исключительность (противоположность общедоступности);

— отчуждаемость (возможность передачи от одного лица к другому на основе лицензионных, авторских или других договоров);

— универсальность (способность обмениваться на любые рыночные товары).

Личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы. Вместе с тем они могут иметь ценность (например, право на имя) и приносить автору определенную выгоду. В отношении оборотоспособных прав необходима спецификация, т. е. точное указание правообладателя (того лица, которое может распоряжаться правами интеллектуальной собственности без разрешения других лиц), а также всех его правомочий. По отношению к ноу-хау спецификация прав применима к отчуждаемым объектам (например, сознательно скрываемым техническим сведениям, рисункам, чертежам). Для обеспечения их оборотоспособности необходимо, безусловно, четко разграничить круг лиц, имеющих доступ к ноу-хау, и их правомочия. Так, передача ноу-хау по договору (беспатентная лицензия) может быть обеспечена путем включения соответствующих условий в беспатентные лицензии, трудовые договоры и договоры подряда, а также получения документального подтверждения гарантий о неразглашении ноу-хау от лиц, имеющих к ним доступ.

Имеются, на наш взгляд, и объективные причины предпочтительности такой формы охраны интеллектуальной собственности. Это возможность ослабления финансового бремени по оформлению, регистрации и поддержанию патента, преодоление известной ограниченности государственной регистрации прав собственности, когда осуществляется охрана формы, а не содержания и др.

По этим причинам более благоприятным является режим ноу-хау. Кроме того, права на такие результаты интеллектуальной деятельности, как программы ЭВМ, базы данных, интегральные микросхемы охраняются авторским правом уже с момента их создания.

Безусловно, возрастают экзогенные и эндогенные институциональные риски [5], связанные преимущественно с нарушением конфиденциальности и коммерческой тайны, соответствующие трансакционные издержки, усложняется дизайн трансакций — как процесса «отчуждения и приобретения индивидами прав собственности» [29, с. 652]. Возрастают требования к видам, содержанию и реализации контрактных формальных и неформальных отношений.

Следует подчеркнуть, что ведущие страны осуществляют на международном рынке сделки по объектам, содержащим секреты производства, преимущественно с аффилированными компаниями. Это снижает все виды рисков, включая институциональные. Для российских сделок с участием данных объектов интеллектуальной собственности такая тенденция не характерна.

Дизайн объекта и категории «интеллектуальная собственность», соответствующие права и отношения развиваются по мере развития науки, техники, рыночных отношений и законодательства. Необходимость международного экономического взаимодействия, включая охрану и сделки с объектами интеллектуальной собственности, обусловила разработку и заключение ряда современных международных конвенций и договоров, участником многих из которых в настоящее время является Россия.

Так, например, в апреле 2017 г. В. Путиным подписан закон о ратификации Женевского акта Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов. Предусматривается их охрана более чем на 66 территориях мира (включая ЕС) через подачу заявок в Международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности [4]. Это означает определенные выгоды для патентообладателей, включая возможности непосредственной подачи заявок в указанную международную структуру и получения от иностранных заказчиков соответствующих платежей.

Эти эволюционные изменения в очередной раз обострили проблему специализированной подготовки квалифицированных кадров в области интеллектуальной собственности — как патентоведов, так и патентных поверенных. По оценкам экспертов, потребности отечественной экономики измеряются в 20 тыс. таких специалистов (а ежегодно выпускается не более 200 чел. в рамках магистерской программы в трех университетах). В силу этого во многих регионах страны (исключая Москву и

Санкт-Петербург) имеется очень ограниченное количество таких специалистов, а в 24 субъектах РФ их нет [4]. Эти специалисты могли бы составить костяк востребованных специализированных экспертных организаций.

Предлагается при формировании данной востребованной системы подготовки опираться как на зарубежный опыт, так и, безусловно, на отечественные достижения (СССР), когда успешно функционировала стройная и отлаженная патентная система, включая стимулирование изобретательской и патентной активности и результативности.

Современная эволюция отношений и прав интеллектуальной собственности в России и ее регионах связана в немалой степени и с созданием Таможенного союза ЕврАзЭС. Актуализировались проблемы защиты прав на такие объекты интеллектуальной собственности, как товарные знаки, формирования адекватной системы правового регулирования соответствующих, нередко противоречивых отношений. Эксперты, опираясь на теоретические исследования и эмпирический материал, правомерно акцентируют внимание на соблюдении интересов владельцев прав собственности. В этой связи актуально закрепление и согласование в нормативных документах стран таких дискуссионных положений, как «международный и региональный принцип исчерпания прав», «параллельный импорт», их дифференцированное использование [26].

Безусловно, расширение международного сотрудничества обуславливает существенную эволюцию потребностей в формировании высококвалифицированных специалистов. Возрастают требования к подготовке соответствующих документов, договоров и соглашений, их сопровождении, а также консалтинге. Это необходимо для обеспечения сложного, нередко противоречивого процесса вовлечения в хозяйственный оборот, коммерциализации, особенно на международном рынке, результатов интеллектуальной деятельности.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что методология изучения эволюции специфического многогранного института интеллектуальной собственности в научно-технологической сфере должна базироваться на общей теории интеллектуальной собственности, синтезе и диалектике междисциплинарных исследований и разработок.

Создание общей теории интеллектуальной собственности как одна из ведущих потребностей развития экономической теории находится на начальном этапе. В этой связи

эксперты справедливо выделяют целесообразность опоры на междисциплинарную научную базу, прежде всего теорию коллективных (публичных) благ, теорию государственного сектора, экономическую теорию прав собственности, теорию альтернативных социальных институтов, включая институт профессионального научного сообщества, теорию альтернативных форм защиты от имитации [12]. Ведущими теоретико-методологическими основами должны быть, по нашему мнению, все направления теории экономики знаний, в рамках которых может быть реализована потребность в институциональном моделировании разнообразных трансакций.

В формирующей теоретической базе должны учитываться объективные экономические реалии эволюции и дизайна многообразных видов и организационно-правовых форм собственности на интеллектуальный продукт в научно-технологической сфере. Исследователи справедливо рассматривают проблему интеллектуальной собственности как межотраслевую, охватывающую вопросы гражданского и публичного права (статус, трудовые контракты и договоры, конкурсные условия и т. д.), они выделяют личностно-правовую, вещно-правовую и «контрактную» концепции (как получение исключительных прав от государства в обмен на раскрытие информации, в частности об изобретениях) [3]. Институты исключительных (монопольных) прав субъекта в отношении создаваемых им объектов интеллектуальной собственности, солидарного присвоения заинтересованными субъектами этих объектов, спецификации (или «размывания») прав собственности и др. приобретают все большую значимость.

Эти реалии детерминируют особое место в системе теоретических взглядов на интеллектуальную собственность, как уже было отмечено, экономической теории прав собственности, развиваемой преимущественно в работах ученых неинституционального направления экономической науки. Так, С. Пейович и Э. Фуруботн отмечают: «Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения, возникающие между людьми в связи с существованием благ и касающиеся их использования... термином права собственности обозначаются отношения между людьми в связи с использованием редких благ, а не отношения между людьми и вещами» (цит. по: [15, с. 8–9]). Странники этой теории связывают особенности отношений между людьми с редкостью, ограниченностью

ресурсов, их полезностью и возможностями альтернативного использования.

Для изучения интеллектуальной собственности особую значимость представляют выделенные этими учеными такие свойства прав собственности, как исключительность, отчуждаемость, дробимость и расширяемость [15].

Существенное место в экономическом анализе прав собственности занимает проблема их спецификации и «размывания». Спецификация прав позволяет создать условия для более эффективного использования объектов собственности. Для такого особого вида собственности, как интеллектуальная, на наш взгляд, эта проблема очень актуальна. Чем больше ценность ресурса (в данном случае интеллектуального), тем выше к нему интерес и тем более значимо установление четких правовых границ. Для отношений и прав интеллектуальной собственности особенно при-

мечательно то, что они представляют собой конструкции сложного дизайна, когда отношения и права одного уровня заинтересованных агентов становятся объектом отношений и прав другого уровня и т. д., что затрудняет и усложняет моделирование соответствующих трансакций и принятие оптимальных решений. «Размывание» прав собственности нередко приводит к противоречиям, отражающимся и в нерациональном использовании тех или иных объектов интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, как нами уже было выделено, отношения интеллектуальной собственности проистекают из фундаментальных социально-экономических отношений собственности, специфически реализующихся в определенный исторический период развития экономики. Безусловно, результаты их исследования должны быть положены в основу общей теории интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Александрова В. Вода не течет. Как управлять интеллектуальной собственностью? // Поиск. — 2017. — № 18–19. — С. 4.
2. Аллен К. Р. Продвижение новых технологий на рынок: пер. с англ. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. — 455 с.
3. Бачило И. Л. Интеллектуальная собственность — объект современного права // Вестник РАН. — 1999. — Т. 69. — № 12. — С. 1099–1106.
4. Вовоикова Т. Время поверенных. Минобрнауки запускает масштабную подготовку патентоведов // Поиск. — 2017. — № 22. — С. 5.
5. Волкова Т. И. Институциональные риски в системе отношений по вовлечению интеллектуальных продуктов в экономический оборот // Журнал экономической теории. — 2012. — № 3. — С. 7–17.
6. Волкова Т. И. Интеллектуальная собственность в научно-технологической сфере. — Екатеринбург: УрО РАН, 1999. — 171 с.
7. Волкова Т. И. Образование и наука как системообразующие составляющие национальной инновационной системы // Философия образования. — 2004. — № 3. — С. 3–8.
8. Волкова Т. И. Творческий потенциал науки как объект теоретического экономического исследования // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2006. — № 2. — С. 3–12.
9. Волкова Т. И., Усольцев И. А. Изобретательская активность исследователей: межстрановые рейтинговые оценки // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 290–307.
10. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / Исследовательский центр частного права. — М.: «Статут», 2003. — 416 с.
11. Дозорцев В. А. Исключительное право: сущность и развитие // Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов. — М.: Изд-во «Норма», 2000. — С. VIII–XVII.
12. Ерёмченко Г. А. К общей теории интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий // Науковедение. — 2000. — № 3. — С. 61–78.
13. Зотов В. В., Пресняков В. Ф., Розенталь В. О. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 51–69.
14. Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов. — М.: Изд-во «Норма», 2000. — 480 с.
15. Капелюшников Р. Что такое право собственности // Как это делается. Финансовые, социальные и информационные технологии. — М.: Институт коммерческой инженерии, 1994. — Вып. 3. — С. 8–20.
16. Козырев А. Н. Оценка интеллектуальной собственности. — М.: Экспертное бюро — М., 1997. — 289 с.
17. Кокурин И. Д. Методологические основы отношений собственности на инновационный продукт // Собственность в XX столетии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — С. 145–163.
18. Куракова Н. Г., Зотов В. Г., Цветкова А. А. Анализ структуры патентообладателей России и проблема выделения ведущих научно-исследовательских организаций // Инновации. — 2016. — № 4. — С. 17–25.
19. Макаров В. Контуры экономики знаний // Экономист. — 2003. — № 3. — С. 3–15.

20. Маркс — Фердинанду Лассалю, 22 июля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 30. — С. 503–505.
21. Материалы Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» // Наука. Инновации. Образование. — 2016. — № 3. — С. 149–154.
22. Милов Л. В. К вопросу о социальной природе творческой интеллигенции // Вестник РАН. — 2002. — Т. 72. — № 9. — С. 800–804.
23. Никифоров Л. В. Отношения собственности на рубеже веков: направления трансформации // Собственность в XX столетии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — С. 399–420.
24. Павлов В. П. Общая теория права собственности // Собственность в XX столетии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — С. 801–812.
25. Собственность в XX столетии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 960 с.
26. Федоров М. В., Ковалев В. Е. Взаимодействие стран Таможенного союза ЕврАзЭС и потенциал их интеграции через рынок интеллектуальной собственности // Управленец. — 2014. — № 4. — С. 4–8.
27. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма: пер. с англ. — М.: Новости; Gatallaxy, 1992. — 304 с.
28. Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков: пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 1997. — Vol. VI. — 698 с.
29. Commons J. Institutional Economics // American Economic Review. — 1931. — Vol. 21 (4). — P. 648–657.
30. Granstrand O. The Economics and Management of Intellectual Property: Towards Intellectual Capitalism. — Cheltenham, UK: Edward Elgar Pub, 2000. — 352 p.
31. Griliches Z. Issues in assessing the contribution of research and development to productivity growth // Bell Journal of Economics. — 1979. — Vol. 10 (1). — P. 92–116.
32. Hodgson G. M. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues. — 2006. — Vol. XL. — No 1. — P. 1–25.
33. Kaufe E. The Economics of the Patent System. — New York: GmbH Harwood Academic Publishers, 1989. — 66 p.